

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 97–108.

УДК 902

А. В. Жук

CURRICULUM VITAE ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА МЕЛЕХИНА, СОСТАВЛЕННОЕ ИМ САМИМ

Статья представляет собой публикацию официальной автобиографии Федора Васильевича Мелехина – директора Государственного Западно-Сибирского краевого музея в 1923–1929 гг.

Ключевые слова: Федор Васильевич Мелехин; организация археологических исследований; история музейного дела; наука в Омске 1920-х гг.

A. V. Zhuk

CURRICULUM VITAE OF THEODOR VASILYEVICH MELECHIN, HE HAD MADE HIMSELF

The paper is an official publication of the autobiography of Theodor Vasilyevich Melechin – Director of the State West-Siberian Regional Museum in 1923–1929.

Keywords: Theodor Vasilyevich Melechin; the organization of archaeological research; history of Museum cause; science in Omsk in the 1920s.

*Светлой памяти
Ирины Викторовны Спириной,
первого биографа Ф.В. Мелехина*

Настоящая публикация представляет один из многих сюжетов фундаментальной истории археологических исследований в Омске 1-й трети XX в. На заключительном этапе этого периода, в середине – второй половине 1920-х гг., ведущим центром как археологических, так и этнографических изысканий в нашем городе становится Государственный Западно-Сибирский краевой музей. И далеко не последнюю роль в организации и жизни этого центра сыграл тогдашний директор Омского музея Федор Васильевич Мелехин (1882–?).

Наша археологическая и этнографическая наука с благодарностью вспоминает имена многих директоров местных музеев

1920–1930-х гг., Ф. В. Мелехин по праву занимает среди них свое место. Да и вообще Федор Васильевич – один из достойнейших представителей замечательного в нашей истории корпуса *красных директоров*, и в этом качестве он заслуживает, конечно же, полноценной научной биографии.

Роль Ф. В. Мелехина в создании уникального для Сибири Омского музейного фонда, в формировании не менее уникального, особого лица Западно-Сибирского краевого музея давно и хорошо, во многих подробностях осветила Ирина Викторовна Спирина (1951–2007) [20; 21]. Эту публикацию я посвящаю светлой памяти моей коллеги и сослуживицы, ведь именно ее стараниями сформировался тот облик первого по времени директора Государственного Западно-Сибирского краевого музея, каким мы все его сегодня знаем.

В настоящей же работе я остановлюсь на некоторых других, не менее значимых, но пока еще мало освещенных в нашей исследовательской литературе сторонах жизни и деятельности Ф. В. Мелехина.

Лицо всякого музея формируют служащие в нем люди, и Федор Васильевич сумел собрать в стенах бывшего дворца генерал-губернатора Степного края действительно замечательную когорту своего времени – от просто интересных людей до очень серьезных ученых-профессионалов. Так, при Ф. В. Мелехине в Западно-Сибирском краевом музее в разные годы мы видим таких людей нашей науки, как исследователь культуры русского города Николай Павлович Анциферов (1889–1958), этнограф Виктор Николаевич Васильев (1877–1931), биолог-охотовед Иннокентий Николаевич Шухов (1894–1956).

Этнографию в Омском музее после В. Н. Васильева курировала Таисия Ивановна Мыльникова (1898–?), археологию – ученица В. А. Городцева Варвара Павловна Левашева (1901–1974). Первую по времени археологическую экспозицию Западно-Сибирского краевого музея создал в 1925 г. барон Евгений Александрович Клодт фон Юргенсбург (1867–1934).

Наконец, в музее при Ф. В. Мелехине служили и просто интересные люди нашего города. Это, к примеру, три сына священника о. Василия – Александр (1895–?), Аркадий (1906–?) и Семен (1909–?) Флоринские, представители замечательного в нашей истории рода Флоринских. К этому роду принадлежат, в частности, создатель Императорского Сибирского университета, врач и археолог Василий Маркович Флоринский (1833–1898), священник, богослов, ученый Павел Александрович Флоренский (1882–1937), философ и богослов, протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979), наш современник, старший научный сотрудник Института археологии РАН Валерий Сергеевич Флеров (р. 1945).

Среди тогдашних сотрудников Омского музея – дочь казачьего генерала и вдова расстрелянного в 1921 г. белого офицера Вера Николаевна Балицкая (1894–?), дочь священника Людмила Михайловна Коропова (1904–?), дочь протоиерея церкви Генерального и

Главного штаба Александра Павловна Грудская (1906–?) – младшая сестра В. П. Левашевой, племянник Н. П. Анциферова Алексей Михайлович Анциферов (1905–?), брат поэта Л. Н. Мартынова Николай Николаевич Мартынов. Кстати, Мелехины и Мартыновы могли быть знакомы семьями: род братьев Мартыновых идет от владимирского офени Мартына Лощилина (о владимирских коробейных корнях самого Ф. В. Мелехина см. ниже). Корпоративный круг офеней был тесен, и они, как правило, знали друг друга.

Вообще как директор Ф. В. Мелехин оказался вполне на своем месте. Выстроенный им алгоритм организации музейной работы очень хорошо сформулировала в 1927 г. заведующая Археологическим отделом Западно-Сибирского краевого музея в 1926–1929 гг. Варвара Павловна Левашева. «Очень уж трудно хозяйничать без Федора Васильевича – что ни день, то какая-нибудь неприятность подсыпается. Говорят, что это в порядке вещей. Но такой порядок хорош только тогда, когда сидишь за Мелехинской спиной, твердо и уверенно, потому что знаешь, что нет такого положения, из какого бы он не сумел выкрутиться. А вот без него волнует всякая мелочь» [11, с. 253–254]. «Очень уж трудно, когда такое большое дело, как наш музей, остается без хозяина, а наш хозяин еще и побаловал нас тем, что все несет на себе, мы же только узнаём и ни о чем не беспокоимся» [12, с. 257].

Все эти слова с чистой совестью могла бы повторить за Варварой Павловной ее коллега и подруга Т. И. Мыльникова, которая не менее часто оставалась за Ф. В. Мелехина на музейном хозяйстве. Так что для омской археологии и этнографии второй половины 1920-х гг. (да, пожалуй, и не только для них) Ф. В. Мелехин стал полноценно надежной административной опорой.

При этом как сослуживцы, так и недоброжелатели знали о Федоре Васильевиче Мелехине в общем-то мало. В Омске он появляется по ходу Гражданской войны, где-то в конце 1918 г., белый офицер, затем красный командир; член Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. В штатах Музея Географического Общества его имя значится с 1 сентября 1922 г. [22, л. 216]; а в начале 1923 г. Ф. В. Мелехин

предстает уже как один из основных фигурантов действия, ставшего переломным в судьбе Омского музея. Тогда «для учета и приемки музея от Западно-Сибирского Отдела Географического Общества, по распоряжению Омского Губернского Отдела народного образования, была создана Комиссия, куда входили следующие лица:

1. Представитель ГубОНО – *М. И. Ларионов*, которого через десять дней сменила *Н. Г. Никонина* и еще позже *Д. И. Дианов*.
2. Зам. зав. политпросветом тов. *И. М. Никонов*.
3. Представитель Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества – эксперт, бывший ранее хранителем музея *А.А. Пахотин*.
4. Эксперт – *Е.А. Клодт*.
5. Директор музея – *Б.С. Семенов* и
6. Вновь назначенный хранителем музея *Ф.В. Мелехин*.

Свою работу Комиссия начала 16 февраля 1923 года и закончила 15 августа того же года» [15, с. 130]. В дальнейшем стараниями именно Ф. В. Мелехина из ведения Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества будут изъяты библиотека и музей, после чего они были обращены на формирование Западно-Сибирского краевого музея. В свое время я посвятил истории уничтожения Музея Географического Общества отдельную публикацию [8]. Вплоть до середины ноября 1924 г. Ф. В. Мелехин будет числиться как хранитель Омского музея, а затем станет называться то директором, то заведующим его. Окончательно название должности как *директора* установится лишь где-то в 1925 г.

Квартиру Федор Васильевич имел при музее, в одном из служебных флигелей дворца генерал-губернатора. Семья его состояла из женщин и детей – жена Ольга Сергеевна (т. е. крещеная), свояченица Вольфсон София Соломоновна (т. е. некрещеная), сын Игорь и дочь Ада. Кроме того, на иждивении Ф. В. Мелехина официально значились (в то время это было важно) его отец и мать, во всяком случае, в 1924 г. они были еще живы. После изгнания из Западно-Сибирского краевого музея Ф. В. Мелехин поселился на ул. Лермонтова, д. 95. Здесь он прожил осень и зиму, вплоть до марта 1930 г., а в апреле

этого года он находится уже в Новосибирске. Здесь Федор Васильевич служит в Обществе изучения Сибири и ее производительных сил, а также работает над созданием городского музея [10, с. 91].

Жизненный путь Ф. В. Мелехина завершился как-то тихо, незаметно, до сих пор не ясно даже, где и когда. Может быть, в Таре, где он поселился в начале 1930-х гг.?

Известен же этот путь главным образом с собственных слов Федора Васильевича – из составленных им официальных автобиографий. Одна из редакций этого жизнеописания и предлагается ниже вниманию читателя.

Впервые эта работа была доложена 18 декабря 2014 г. на юбилейной XVIII-й конференции Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля «Декабрьские Диалоги», посвященной 90-летию со дня рождения музея. К сожалению, при подготовке работы к печати текст ее очень серьезно пострадал, и я как автор несу полную ответственность за то, что не смог проконтролировать нанесенный ущерб [9]. Настоящая публикация восстанавливает текст в должном виде; те, кто работает с моими материалами, должны рассматривать как аутентичный именно предлагаемый здесь вариант. Сверх того, я, пользуясь случаем, вношу в текст важные дополнения, которые накопились за последние месяцы.

Автобиография Ф. В. Мелехина издается с некоторыми отступлениями от принятых у нас академических правил публикации исторических документов [17]. Для того чтобы разместить комментарии внутри текста и вместе с тем чтобы текст документа мог быть воспринят как целое, публикуемый документ выделен вместо кавычек полужирным курсивом. Для лучшего восприятия текста он разбит на небольшие абзацы (в оригинале автобиографии их девять – либо очень крупных, либо в несколько строк каждый). Сокращения текста раскрываются без оговорок; без оговорок же исправлены и откровенные опечатки.

Итак, Федор Васильевич начинает. ***Автобиография. Родился 1-го февраля 1882 г. в селе Волокобине, Шуйского уезда Владимирской губернии.*** Село Волокобино (Богородское тож, Вороново тож), Семеновской волости Шуйского уезда Владимирской губернии. С 1918 г. той же волости и того же

уезда Иваново-Вознесенской губернии. С 1924 г. Ряполовского сельсовета Хотимльской волости Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии. С 1929 г. того же сельсовета Южского района Ивановской области. С 1954 г. Хотимльского сельсовета тех же района и области. С 1963 г. Палехского района Ивановской области. В настоящее время село Волокобино значится в Хотимльской сельской администрации Южского муниципального района Ивановской области.

Стоит Волокобино в 25-ти верстах от Шуи, при р. Люлихе на ее правом берегу, недалеко от впадения в р. Тезу, левый приток р. Клязьмы. Клязьма, в свою очередь, впадает в Оку неподалеку от Нижнего Новгорода, где Ока впадает в Волгу. В интересующую нас эпоху Волокобино – село владельческое, об одну церковь, в 55 дворов; плотность населения откровенно низкая, ближе к городской – около пяти человек на двор [2, № 5529]. В 1865 г. село Волокобино приобрел у князей Дадиани коллежский секретарь Василий Иванович Внуков.

Первое письменное упоминание Волокобина, тогда еще деревни, относится к 1605 г. Каменный собор уже на селе, т. е. на месте деревянного храма, возвел в 1690–1696 гг. тогдашний владелец Волокобина стольник Петр Иосифович Воронов (1652–1713) – тот самый, что в 1689 г. прибыл в Троице-Сергиев монастырь для защиты государя Петра Алексеевича от стрельцов. Нижний престол собора освящен во имя Богородицы Смоленской, верхний – во имя Преображения Господня [1, с. 54–56]. Храм уцелел; сегодня это единственный памятник архитектуры XVII в., сохранившийся на Южской земле.

В настоящее время храм служит подворьем Воскресенско-Федоровского мужского монастыря, что в с. Сергееве, под Шуйей; обитатели подворья, полтора десятка человек, и составляют нынешнее население Волокобина. Представленная здесь и ниже информация по истории села основана на материалах тамошних краеведов и прежде всего ныне благополучно здравствующего иеромонаха о. Александра (Завьялова), начальника Волокобинского подворья, бывшего настоятелем Преображенского храма в 2005–2007 гг.

Родители были малоземельные крестьяне, занимались хлебопашеством, жили в вечной нищете. С 4-х лет начал нянчить (так, с “ь” в середине слова, в тексте) маленьких братишек, с 7 лет помогать отцу в поле – боронил, пахал; с 9 лет уже косил.

Здесь Федор Васильевич откровенно лукавит. Начну с того, что сельские дети всегда и везде привлекались к посильному труду, это наша общая культурная норма. Более того, именно в крепких домохозяйствах русские дети трудились поголовно и с малолетства; детская же праздность очень часто была отличительной чертой недостаточных семейств. У нас детский труд всегда был прежде всего очень сильным и действенным *средством воспитания*. Так, отрок Варфоломей (впоследствии преподобный Сергей Радонежский), сын *набольшого* ростовского боярина, семи лет от роду пас табун отцовских лошадей – «*послан бо бысть отцом своим Кирилом на взыскание скота*» [7, с. 280]. Согласимся: то, что не было зазорно юному аристократу Варфоломею, не зазорно и малолетнему простому селянину Федору Мелехину.

К тому же насельники Волокобина никогда не *занимались хлебопашеством*; при этом они действительно все сплошь были *малоземельные*. Но это отнюдь не значит, что они *жили в нищете*, да еще в нищете *вечной*. На самом деле волокобинцы славились по Владимирщине как потомственные офени – торговцы вразнос. О. Александр даже подчеркивает: волокобинцы второй половины XIX в. – это единственные профессиональные офени, уцелевшие в Шуйском уезде; хотя вообще-то именно Шуйская земля – родина русского коробейничества. Соответственно, *работа в поле* (равно как ягодная и грибная охота, ловля рыбы, зайцев, птиц и тому подобное) всегда была для здешних селян лишь подспорьем на уровне огородничества, уделом женщин, стариков и детей. Так что *в поле* Ф. В. Мелехин помогал, скорее всего, не отцу, но матери. Не случайно ведь и плотность населения Волокобина, как показано выше, была по тому времени на уровне города.

По статистическим данным 1890-х гг., из 50 оставшихся на Волокобине дворов 15 зна-

чилились безнадельными. Но и на те дворы, что сохраняли земельные наделы, приходилось в среднем по 9 десятин леса (лесом в это время энергично торговали), 5–6 десятин пашни, да по одной десятине покоса; кроме того, на Волокобине было 7 десятин выгона на все село. Примечателен и такой показатель: в конце XIX в. на 4 дворах Волокобина с земельными наделами и 10 безнадельных, т. е. на трети дворов села, не значится вообще никакого скота – ни лошадей, ни коров, ни быков, ни овец [14]. Самой богатой (по внешности) была на селе Православная Церковь: ей принадлежали целых 32 десятины пахотной земли (при этом, правда, всего лишь одна десятина сенокосной) [1, с. 55].

В свете сказанного интересна лингвистическая основа имени села Волокобина. На офенском говоре Владимирщины такие слова, как *воло́ка*, *воло́ха*, *воло́ча*, *волоча́йка*, *волочу́жка*, *волоко́ба*, *волоко́бина*, имеют широкий круг значений, основные из которых следующие: 1) бродяга, шатун, нищий от праздности; 2) коробейник, ходябшик; 3) тягун, вор, особенно карманник; 4) женщина легкого поведения, потаскушка; 5) глухой лес, непроезжий бор, вытянутый по террасе и прерывающий сообщение между реками и дорогами [5, I, с. 236–237]. Что ж, как деликатно выражаются современные исследователи, «почти вся торговля офеней была связана с нарушением закона; однако в серьезные противоречия с системой они, как правило, не вступали» [6, с. 41]. Таким образом, значение топонима *Волокобино* вполне прозрачно, как прозрачна в целом и картина детства Федора Мелехина.

Одиннадцати лет от роду меня отдали в магазин мальчиком, отправив для этой цели в Самару.

По сведениям о. Александра, Ф. В. Мелехин переехал в Самару вместе с родителями. В те годы коробейный промысел на Владимирщине пришел в упадок, и многие волокобинцы, не имевшие склонности к традиционным занятиям селян, да и вообще к производительному труду, разбрелись по России. Кстати, *Мелехины* не значатся среди коренных волокобинских фамилий; другими словами, и в самом селе они были пришлыми, судя по всему – уже после отмены крепостного права.

Другое дело, что Самара лежит довольно далеко от Шуйской земли. Гораздо ближе к Волокобину, ежели спускаться по Волге, такие крупные города, как Нижний Новгород, Казань, Симбирск. Однако родители Ф. В. Мелехина почему-то остановили свой выбор именно на отдаленной Самаре.

В Самаре в мануфактурном магазине я прослужил около трех лет. На втором году своей жизни “в людях” я познакомился с сыном хозяина – мальчиком, гимназистом 2-го класса, подружился с ним и мне как-то раз случайно попал его учебник по географии. Любовь к чтению у меня каким-то чудом развилась раньше, и попавшую мне книжку по географии я прочел залпом. По прочтении ее как-то всё вокруг перевернулось, вдруг как-то предо мной развернулись горизонты и меня потянуло к знанию.

Дело в том, что в деревне я учился в церковно-приходской школе у попа и последний, кажется, принимал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы внушить своим ученикам к просвещению самую страшную ненависть. И неудивительно, разумеется, что, проучившись у него в школе три года, я не научился подписывать свою фамилию (буквально) и на экзамене написал ее через Ъ – МЕЛЪХИНЪ.

Волокобинцы не были набожны, что не удивительно, если вспомнить, хотя бы, сюжеты коробейной торговли иконами [6]; последние в силу своего происхождения даже получили особое имя – *расхожие* иконы. Замечательные этюды на этот счет, характеризующие *oblico togale* офеней, можно видеть у того же Н. С. Лескова [13, с. 1]. Так что в храме, как и в богослужении, волокобинцы особо не нуждались. А потому в 1876 г., по ходу церковной реформы Александра II, причт в Преображенском соборе был упразднен, а храм приписан сначала к приходу села Георгиевского, а с 1881 г. – к приходу Всехсвятского погоста. Приход в селе Волокобине будет восстановлен лишь четверть века спустя, в 1901 г. семейство Мелехиных к этому времени уже оставит село; так что при малолетнем Федоре ни батюшки, ни, соответственно, регулярной службы на Волокобине не было.

Правда, в 1885 г. здесь открывается церковно-приходская школа – в отдельном доме

на церковной земле. Занятия вели священники, приезжавшие из Всехсвятского погоста. Сначала это был потомственный священнослужитель из суздальцев, о. Григорий Саввич Быстрицкий (1821–1881=1890), который, кстати, и крестил Ф. В. Мелехина. В 1890 г. усопшего о. Григория сменил молодой батюшка, представитель древнего священнического рода Шуйского уезда о. Иаков Васильевич Орлов (р. 1868 г.), который только что окончил Владимирскую Духовную семинарию.

Итак, прочтя упомянутый выше учебник географии, я попросил у него – у хозяйского сына – почитать что-нибудь еще, он мне дал всеобщую историю (Иловайского), я прочел и уже после этого оторваться от книг не мог.

Благодаря тому, что я таскался вечно с книгами, начал манкировать своими служебными занятиями, меня за это прогнали со службы; я поступил на другое место, то же случилось и там, я на третье и т. д.

В течение 6–7 лет я переменял бесчисленное множество профессий, занимаясь по преимуществу физическим трудом: прикащик (так в тексте), дворник, сапожник, пекарь, парикмахер, половой в трактире, грузчик, плотовщик на Волге, столляр, стекольщик, точильщик, конторщик и т. д. Отовсюду меня гоняли всё по той же причине – я не расставался с книжкой, манкируя службой.

Наконец мне удастся выдержать экзамен экстерно (так в тексте, т. е. держал экзамен как? экстерно) за пять классов гимназии и, так как подходило время военной службы, то я поступил вольноопределяющимся в Москву во 2-й гренадерский ростовский (так, с маленькой буквы, в тексте) полк.

В России конца XIX – начала XX вв. так учились многие. «Правила испытаний для лиц домашнего образования. Из курсов до 5-го класса. Лица домашнего воспитания могут, по желанию их родителей, родственников или опекунов, подвергаться испытаниям наравне и в одно время с учениками гимназий и прогимназий, из всех предметов, пройденных в низших четырех классах, и затем, в случае удовлетворительных результатов первого испытания, могут подвергнуться по

прошествии двух лет второму испытанию из курсов 5 и 6-го классов. К испытанию допускаются лица домашнего воспитания, по достижении ими нормального возраста, положенного для соответственных классов гимназии (к первому испытанию – 14 лет, ко второму – 16 лет).

О результатах удовлетворительного испытания выдается от учебного заведения свидетельство, предоставляющее все те же права, какие предоставлены, как по гражданской службе, так и по отбыванию воинской повинности, лицам, окончившим курс соответственных классов гимназий или прогимназий» [3, с. 275]. Прогимназия той эпохи – это, если можно так выразиться, половина гимназии: «курс прогимназий соответствует учебному курсу низших четырех классов гимназий» [ib, с. 260].

Другими словами, где-то за 6–7 лет Ф. В. Мелехин, не имея определенных занятий и постоянного места службы, перебиваясь случайными заработками и не посещая никакого учебного заведения, самостоятельно прошел курс неполной средней школы. Следовательно, его первоначальная, церковно-приходская подготовка была вполне приличной; да и условия жизни как на Волокобине, так и в Самаре явно благоприятствовали книжным занятиям.

Далее заслуживает внимания город, где Ф. В. Мелехин проходил военную службу. Тогдашние вольноопределяющиеся сами выбирали полк для отбывания воинской повинности и, как правило, определялись по месту жительства. А вот Федор Васильевич, судя по всему, решает воспользоваться случаем и коренным образом изменить свою жизнь. Для этого он выбирает службу за несколько сот верст и от Самары, и от Шуйской земли; но зато в полку, который стоит не где-нибудь, а в древней столице. Как имеющий аттестат о неполном среднем образовании (это называлось тогда образование 2-го разряда), Ф. В. Мелехин значился вольноопределяющимся также 2-го разряда и был обязан пробыть на действительной службе два года.

В то время институт вольноопределяющихся существовал главным образом для подготовки резерва офицерских кадров, как это называлось тогда – *для желающих занять офицерские места в войсках военного*

времени. По прошествии года службы вольноопределяющиеся 2-го разряда производились в унтер-офицеры; после этого на них возлагалось исполнение обязанностей отделенных и взводных командиров. По выслуге двух лет и по выдержании экзамена вольноопределяющиеся производились в прапорщики запаса.

В качестве отличительного знака вольноопределяющиеся имели трехцветный шнур вокруг плечевых погон. Они несли службу наравне с прочими нижними чинами, участвовали в учебных и строевых занятиях, саперных и артиллерийских работах, но на хозяйственные работы не назначались. В казармах вольноопределяющимся отводилось по возможности особое помещение; им разрешалось устраивать между собой артель с отпуском на руки так называемых *приварочных* денег. Вольноопределяющиеся могли иметь собственные постельные принадлежности и белье; обмундирование им выдавалось только первого срока службы, т. е. не заношенное. Они могли иметь собственную столовую посуду и есть за отдельным от прочих нижних чинов столом. Важен и такой бытовой нюанс: вольноопределяющимся разрешалось пользоваться отхожими местами, назначенными в казармах для офицеров.

С этого времени начинаю заниматься частными уроками и революционной работой в войсках. На службе частные уроки по понятной причине – откровенная фантазия. А вот *революционная работа* – это, возможно, и правда: 2-й гренадерский Ростовский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича полк был одним из самых разложившихся в Московском гарнизоне. Именно с восстания этого полка 1–4 декабря 1905 г. начались революционные события в Москве.

В 1904 г. вышел в запас (т. е. получил чин прапорщика запаса), **жил в Самаре, занимался уроками.** Другими словами, обосноваться в столице у Ф. В. Мелехина не получилось; а вот в Самаре место для него нашлось. Правда, какими именно *уроками* он занимался, Ф. В. Мелехин не уточняет.

В начале 1906 г. поступил в пехотный полк в Казани для революционной работы в войсках. И это неправда. Разумеется, на самом деле Ф. В. Мелехин был призван из

запаса по случаю войны. В Казани в это время стояли, помимо прочих войск гарнизона, четыре местных резервных пехотных батальона – Ветлужский, Лаишевский, Свяжский и Спасский. Батальоны были собраны в Казань как центр военного округа для развертывания по мобилизации. Из них в Спасском и Ветлужском батальонах работала военная организация РСДРП, а в Лаишевском и Свяжском – партия социалистов-революционеров. Впрочем, несмотря на организацию подпольной офицерской группы (куда, надо понимать, входил прапорщик Ф. В. Мелехин) и даже объединение социал-демократов и эсеров в *интерпартийный* (как его называли современники) Военный Совет, уровень разложения казанских пехотных батальонов так и остался незначителен [18, с. 31–33, 330–332].

После нескольких месяцев меня там арестовали и посадили сначала в крепость, потом перевели в тюрьму. Просидел около года. Из тюрьмы меня выслали под надзор полиции в Самару и там я вошел сейчас же в группу анархистов-коммунистов и начал работать. Занимался в то же время уроками и готовился на аттестат зрелости. Здесь Ф. В. Мелехин имеет в виду полный курс классической гимназии, дававший право на поступление в университет. Официально в тогдашней России сдача этого курса именовалась испытанием зрелости. К экзаменам подготовился, но мне долго не давали сдавать по политической неблагонадежности.

Скорее всего, так оно и было. Это правда, что возможность пройти испытание зрелости *экстерно* в тогдашней России предусматривалась. «Желающие поступить в университет или другие высшие специальные учебные заведения и вообще воспользоваться правами подвергаются испытанию зрелости без различия, учились ли они в правительственной или частной гимназии, или общественном и частном училище, или получили домашнее воспитание» [3, с. 270].

Последние, т. е. *посторонние лица*, подают «собственноручно написанное прошение о допущении их к испытанию и прилагают к сему прошению: 1) ими самими написанное на русском языке краткое собственное жизнеописание; 2) свидетельства о возрасте и звании; 3) аттестаты или свидетельства, полученные ими из тех учебных заве-

дений, в коих они прежде обучались; 4) сведения о месте жительства родителей или родственников и вообще попечителей» [3, с. 270]. «Комиссия, состоящая под председательством директора (гимназии. – А. Ж.), из инспектора и всех преподавателей VIII класса, решает, кто из просителей может быть допущен к испытанию зрелости.

Из посторонних лиц вовсе не допускаются к испытанию... те, которые на основании представленных ими свидетельств, прошений и собственного жизнеописания, очевидно не могут быть признаны зрелыми» [ib, с. 271]. Относительно каждого, подавшего прошение, «тщательно обсуждаются сначала степень нравственной его зрелости, а затем степень умственной его зрелости» [ib, с. 271]. Но и это было еще не всё: допуск к испытанию и даже успешное его выдерживание отнюдь не гарантировали решения дела.

«По окончании испытания зрелости от выдержавших оное как гимназистов, так и посторонних лиц, до составления на них аттестатов, или свидетельств, тщательно отбираются сведения, в какой университет и по какому факультету или в какое высшее специальное училище, или на какое поприще практической деятельности они имеют в виду непосредственно поступить» [ib, с. 270–271]. Так что *зрелость* в тогдашнем русском понимании – это далеко не только интеллект...

Понятно, что по отношению к одним, желающим подвергнуться испытанию зрелости, все эти фильтры применялись формально. А вот по отношению к другим – очень даже не формально. Федор Васильевич Мелехин принадлежал к последней категории желающих. Кстати, сам Ф. В. Мелехин даже в публикуемой здесь автобиографии ничего не говорит о том, *как именно* он предполагал распорядиться чаемым им свидетельством зрелости. А отсутствие определенности на этот счет было в то время, как видим, вполне достаточным основанием для недопущения к испытаниям.

И тогда, почувствовав себя достаточно подготовленным к высшей школе, Ф. В. Мелехин решил пойти другим путем. **В 1910 г. поступил на высшие сельско-хозяйственные курсы в Петрограде** (курсы не идентифицируются. Скорее всего, это – одно из ча-

стных учебных заведений, которые во множестве существовали тогда в столице, как *лавочки для продажи дипломов*, по оценке современников. Среди них были *высшие* политехнические, строительные, архитектурные, железнодорожные, коммерческие и даже высшие счетоводные курсы!), **сдав там предварительно экзамен** (как не имеющий свидетельства зрелости). **Проучился там из-за недостатка средств всего одну зиму** (уж не сами ли эти курсы просуществовали *всего одну зиму*?).

В 1911 г. я с десятью рублями в кармане уехал за границу (возможно, сумма именно в 10 рублей здесь не образное выражение, но намек: именно десять рублей требовалось тогда внести в пользу экзаменаторов при испытании зрелости; «и деньги эти уже ни в каком случае не возвращаются» [3, с. 270]), **где жил, занимаясь то физическим трудом, то уроками. Изъездил и исходил пешком всю западную Европу** (так в тексте: с маленькой буквы и с большой) **и в 1913 г. вернулся в Россию.**

По сведениям И. В. Спириной, Федор Васильевич побывал за это время в Германии, Франции, Австрии, Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Испании и Португалии [20, с. 9].

Сам по себе европейский вояж Ф. В. Мелехина хорошо вписывается в культурный контекст рубежа веков. Путешествия *за копейки*, на нарочито скромные средства входят в моду у тогдашней богемной молодежи. В частности, Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932) летом 1900 г. проехался в компании четырех сверстников – Ф. К. Арнольда, князя В. П. Ишеева, Л. В. Кандаурова и А. В. Смирнова – по Германии, Австро-Венгрии, Италии и Греции. Составленную им книгу впечатлений М. А. Волошин так и назвал: «Журнал путешествия, или Сколько стран можно увидеть на полтора рубля» [4]. Другой вопрос – а что, собственно, делал два года на просторах Европы, в самый канун Большой войны, 30-летний студент-недоучка, состоящий под гласным надзором полиции прапорщик запаса без определенных занятий Ф. В. Мелехин? Более того, кто *персонально* выпустил политического поднадзорного со столь специфической биографией за границу?

В России продолжал заниматься частными уроками, работал в народном университете в качестве лектора (в Самаре).

Толчок моде на народные университеты дала Англия. С 1867 г. в Кембриджском университете начинают читаться курсы публичных лекций просветительного характера. Из Англии же пришло и само имя *народного университета*: в 1876 г. в Лондоне открывается *Общество для распространения в народе университетского образования*. По-русски это и было воспринято как *народный университет*.

В России аналогичное движение берет начало в Одессе – в 1871 г., по инициативе профессоров Императорского Новороссийского университета. В Самаре систематические лекционные курсы для народа читаются также довольно рано, с 1882 г. Имя же *народного университета* впервые присвоили себе в 1897 г. общеобразовательные курсы в Санкт-Петербурге; имя понравилось, и вскоре оно широко разошлось по стране. Слушателями народных университетов были, как правило, рабочие и служащие, с весьма невысоким образовательным уровнем.

Жить преподаванием в народном университете тогдашней России было, конечно же, нельзя: слушатели если и платили (что они делали далеко не всегда), то не более, чем по 5–10 коп. за лекцию и максимум 50 коп. в месяц. Понятно, что этих денег не могло хватить даже на обеспечение учебного процесса. Хорошо известен советский аналог народного университета – *Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний*; но это уже совсем другая история...

Вообще *modus vivendi* Ф. В. Мелехина, описанный им самим, получается довольно-таки странный. Мужчина в полном расцвете сил, т. е. 20–30 лет, отставной прапорщик, нигде не служит, *годами* живет тем, что дает уроки (кстати – уроки чего?) и при этом состоит под надзором полиции. Полицию, в свою очередь, ничуть не беспокоит, что под ее надзором – молодой, здоровый, образованный человек с военной подготовкой, революционным прошлым и при этом без каких-либо определенных занятий.

С началом Первой мировой войны ситуация становится еще более странной. Прапорщик запаса с неполным высшим образованием, к тому же *хорошо знающий* Европу,

не призван в армию – и это при тогдашней острейшей нехватке офицерского кадра! Ведь только за первый год войны потери офицеров русской армии составили около 60 тыс. человек [23, с. 1]. Выходит, что двухлетнему *вольному* пребыванию за границей имярек полицейский надзор не помешал, а вот призыву на службу в военное время (для чего Ф. В. Мелехин как прапорщик запаса, собственно, и был подготовлен) помешал. Кстати, не будем забывать, что этому, не имеющему профессии *молодому человеку* идет уже четвертый десяток...

В Июле 26-го 1917-го г. вследствие общей амнистии был мобилизован в войска (Керенского) и служил около 4-х месяцев в 4-м инженерном полку в Самаре в качестве прапорщика, занимаясь исключительно внешкольной работой. В начале (1917 г.) декабря был демобилизован и начал работать в Средне-Волжском Союзе (кооперативный) в Самаре же в качестве инструктора по внешкольному образованию.

В Июле 26-го 1918 г. был мобилизован в Народную Армию и эвакуирован в Омск в Колчаковию. По данным И. В. Спириной [20, с. 10], в рядах Народной Армии Ф. В. Мелехин служил при тогда еще полковнике Андрее Степановиче Бакиче (1878–1922) – с июля 1918 г. начальнике частей Сызранского района, а с октября того же 1918 г. командующем войсками Бузулукской группы.

В Армии все время работал в качестве внешкольника во внешкольном отделе, который был сначала при Главном Штабе, а потом, по организации Осведомительного Отдела, был передан в Управление военно-учебных заведений, и в это время (весной 1919 г.) я откомандировался в военно-экономическое общество (так в тексте, с маленьких букв) в качестве инструктора по внешкольной работе, там и прослужил почти до самой эвакуации Омска.

Что же представляла собой служба Ф. В. Мелехина? Обратившись к соответствующему нормативному документу, увидим, что «культурно-просветительная и агитационная работа в армии осуществляется при общем руководстве Осведомительного Управления Восточного Фронта. <...> Начальники (Осведомительных. – А. Ж.) Отделов армий, корпусов, военного округа и за-

ведущие Осведомительными Отделениями дивизий подчиняются непосредственно начальнику штаба, а полка – командиру полка. В общей же своей работе (осведомительной, агитационной и культурно-просветительной) руководствуются указаниями высшего осведомительного органа» [16, с. 1].

Соответствующие задачи *осведомительной* формулируются в инструкции, как «I. Сбор сведений о потребностях на местах. II. Сбор сведений о пропагандной работе большевиков. III. Организация постоянной сети просветительных и осведомительно-агитационных органов» [ib, с. 2–3].

В частности, *сбор сведений о пропагандной работе большевиков* необходимо было вести следующим образом «а) путем добычи чрез войсковую разведку и особых агентов литературы противника, б) путем опроса пленных и перебежчиков, в) путем опроса (при наступлении) сведущих лиц из населения, г) путем командирования своих агентов в Совдепию» [ib, с. 2].

Интересен в качестве примера такой подпункт инструкции, как «*Издание воззваний*. Воззвания следует различать двух сортов – “заборные” (напечатанные на одной стороне, наклеиваемые на видных местах) и “домашние”, раздаваемые по рукам, печатаемые с двух сторон, в виде гармоник и т. д. Первые выпускаются для быстрого воздействия на толпу, рассчитаны на ее инстинкты, они должны быть зажигательными и могут быть сильны исключительно в минуты потрясений. Вторые имеют целью воздействовать более длительно и глубоко на *чувство и рассудок* отдельного индивида, что достигается при прочтении в интимной домашней обстановке, а не мимоходом на улице» [ib, с. 6–7].

Отдельно в инструкции рассматриваются «IV. Технические средства... помещение типографий в вагонах; приспособление грузовых автомобилей для кинематографа, мотоциклетки с тележками для перевозки литературы и агитаторов в места, где нужно быстро оказать воздействие; аэропланы для разброски воззваний и пр. как по эту, так и по ту сторону фронта» [ib, с. 8]. Проще говоря, в структуре осведомительной службы, т. е. контрразведки белой армии, Ф. В. Мелехин занимался тем, что сейчас называют информационно-психологической войной.

Незадолго до эвакуации был отправлен в медицинскую комиссию по освидетельствованию на предмет годности к строевой службе; признан годным и получил предписание отправиться на фронт. На фронт, однако, не отправился, проболтавшись под разными предлогами в Омске до самой эвакуации, решив во что бы то ни стало перебраться к красным.

В Омске, однако, сделать это было довольно трудно, ввиду того, что меня тут почти все знали, и потому мы с товарищем (бывший рядовой) решили добраться до Новониколаевска и там остаться у родственников до прихода красных войск. Так и сделали.

Очень любопытное обоснование бегства в Новониколаевск! Популярнейшему в городе гинекологу, начальнику 2-го военного госпиталя С. А. Ковлеру известность не помешала остаться в Омске и перейти на сторону большевиков. Начальнику Военно-Топографического Отдела Главного Штаба Армии Колчака, председателю Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества генерал-майору Н. Д. Павлову известность не помешала остаться в Омске и перейти на сторону большевиков. Скромному же прапорщику Ф. В. Мелехину, который и появился-то в Омске лишь в конце 1918 г., известность, выходит, помешала. Другими словами, либо причина бегства Ф. В. Мелехина в Новониколаевск – отнюдь не его известность; либо это была какая-то очень уж специфическая известность...

Как бы там ни было, но примерно в 1-й половине ноября 1919 г. Ф. В. Мелехин покидает Омск. «Сидение» у *родственников* товарища продолжалось около месяца: Правительство бежало из Омска 10 ноября 1919 г., а Новониколаевск был освобожден 14 декабря; здесь «советские войска захватили много пленных и большие трофеи» [19, с. 261].

По приходе красных войск я сейчас же вступил в Красную Армию, где и работал все время до конца 1922 года по внешкольному образованию и частью административно-учебной работе: заведывающий внешкольной работой в бригаде, заведывающий школьной секцией Политпросвета в Сибирском Управлении военно-учебных заведений, политинспекторство,

Начальник Учебного Отдела Сибирского Управления Военно-Учебных Заведений (так в тексте: в первом случае с маленьких букв, а во втором – с больших), **организатор мастерских учебных наглядных пособий, демобилизация и – .**

Получается, что политработник – при любом режиме политработник. Перейдя на сторону противника, прапорщик Осведверха (“телеграфная” аббревиатура Осведомительного Управления Восточного фронта колчаковской армии) Ф. В. Мелехин *как бы автоматически* продолжил службу по той же самой части, но уже в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии. Что ж, как говорили тогда в Сибири, *белый шаман, черный шаман, красный шаман – всё шаман...*

Казалось бы, жизненный путь Ф. В. Мелехина наконец-то, после столь драматичных мытарств, определился – быть ему отныне красным командиром по воспитательно-политической линии (“красным шаманом”, как называли это злые армейские языки). Но это только казалось; на самом деле, Федор Васильевич Мелехин не представлял для Красной армии большого интереса. И, когда началось кадрирование РККА, его даже не направили на учебу в Академию, как поступали со многими перспективными командирами, оказавшимися за штатом. Ф. В. Мелехин был просто демобилизован.

Понятно, что отставной красный командир, да еще и командир по политической части, член РКП(б) с 1921 г. мог в начале 1920-х гг. занять практически любую руководящую должность соответствующего уровня – от хозяйственной до номенклатурной. Вместо этого Ф. В. Мелехин приходит на службу в Омский губернский отдел народного образования. Здесь ему суждено будет стать первым по времени директором Омского музея. – *работа, которую я веду с конца 1922 года по настоящий момент, т. е. заведывание Западно-Сибирским Краевым Музеем. Полагаю, что работа в Краевом Музее является более отвечающей моим знаниям и способностям, чем какая-либо другая.*

Ф. Мелехин 8/III-24 г. г. Омск

// Государственный архив Омской области.

Ф. 318. Оп. 2. Д. 1188. Л. 7–7об. На л. 8–9 – тот же текст через два интервала.

Машинопись; подпись – автограф

Что же получается? Если верить тому, что Ф. В. Мелехин рассказывает о себе, то вплоть до поступления на военную службу в гренадерский полк жизненный путь его довольно обычен и вопросов не вызывает. Далее начинается странность: Федор Васильевич годами живет в большом торгово-промышленном городе под надзором полиции, зарабатывая на хлеб *дачею уроков*; в результате, к 1917 г. 35-летний Ф. В. Мелехин так и не стал *никем*, что, впрочем, ни его самого, ни полицию особо не беспокоило. Далее Ф. В. Мелехин делается офицером, причем за пять лет этот офицер сменяет *пять* армий (Временного правительства, Народную, Сибирскую, Временного Всероссийского правительства (колчаковскую) и Красную), а в 1923 г. становится из красного командира директором Краевого музея.

Учитывая специфику такого замечательного жанра, как официальная автобиография 1920-х гг., следует признать, что многие сюжеты в изложении Ф. В. Мелехина весьма сомнительны по фактам: живописуя безупречность своего социального происхождения и всячески подчеркивая соответствие перипетий личной судьбы новоявленному идеологическому нормативу, Федор Васильевич явно превышает меру. Не случайно определяющее место в становлении личности Ф. В. Мелехина занимают, как он сам выражается, *чудесные* события и перемены: очевидно, *чудо* и в самом деле не раз спасало по жизни Федора Васильевича.

Обращает на себя внимание вот еще что. Круг общения, а уж тем более знакомств Ф. В. Мелехина, как это следует из его жизнеописания, должен быть весьма обширен; многие люди наверняка сыграли в его жизни важную роль. Однако Федор Васильевич тщательно избегает даже беглого упоминания *каких бы то ни было* имен (официальные автобиографии той эпохи, как правило, содержат персоналии). Кроме того, Федор Васильевич очевидным образом затрудняется объяснить, чем же конкретно он был занят все долгие годы *Самарского сидения*. И выходит по всему, что основная его задача при написании автобиографии – *не проговориться*. А в этом случае самое правильное решение – *молчать*, молчать и там, где это выглядит уже откровенным абсурдом. Примечания

тельная деталь: Ф. В. Мелехин машинально не называет даже такой прагматически важный и никак не могущий быть секретным ориентир, как номер бригады РККА, в которой он недавно служил!

Здесь, возможно, есть смысл обратить внимание на то, что формулу «*занимаюсь частными уроками*» Ф. В. Мелехин почему-то начинает употреблять не со времени возвращения в Самару, но несколько ранее – со времени отбывания воинской повинности в Москве, во 2-м гренадерском Ростовском полку в 1903–1904 гг., когда никаких уроков он не мог давать по определению. Кроме того, какими-то *уроками*, к тому же еще и платными (sic!), Ф. В. Мелехин ухитрялся добывать средства к жизни, странствуя в 1911–1913 гг. по Западной Европе. При этом предмет *уроков* Ф. В. Мелехин ни применительно к Москве, ни применительно к Самаре, ни применительно к Европе никогда не называет. В чем здесь дело? Как потомственный офеня Ф. В. Мелехин должен был мастерски владеть языком иносказательным. Может быть, у этой формулы «*занимаюсь частными уроками*» есть какое-то особое значение?

Так что вполне закономерен вопрос – а насколько вообще соответствует действительности история Ф. В. Мелехина, рассказанная им самим? Что в этой истории он отретушировал и, главное, о чем умолчал?

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин В. М., Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. в. 5. Шуйский и Ковровский уезды. Вязниковский и Гороховецкий уезды. – Владимир, 1898. – 505 + VII с.
2. Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1863. – 339 с.
3. Влахопулов Д. К. Новый и полный сборник всех программ и правил для поступления в казенные и частные мужские учебные заведения на 1888/89 учебный год. – М., 1888. – III + 414 с.
4. Волошин М. А. Автобиографическая проза. Дневники. – М., 1991. – 416 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд. – Т. I–IV. – Репр. воспроизведение изд. 1880–1882 гг. – М., 1955.
6. Дубровский П. С., Дубровский С. П. Офеникончики во Владимирской губернии // Рождественский сборник. – Вып. XV. – Ковров, 2008. – С. 41–44.
7. Житие преподобного и Богоносного отца нашего, игумена Сергия Чюдотворца, списано

- бысть от премудрейшаго Епифания. Подготовка текста и комментарии Д. М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. – М., 1981. – С. 256–429, 570–579.
8. Жук А. В. Погром, или Как уничтожали музей Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества // Советский Иртыш. – 1991. – № 29. – 22 апреля. – С. 4 ; № 30. – 24 апреля. – С. 3.
 9. Жук А. В. История Федора Васильевича Мелехина, рассказанная им самим // Декабрьские диалоги. – Вып. 18. – Омск, 2015. – С. 81–89.
 10. Крепкая О. Н. Ф. В. Мелехин и Общество изучения Сибири (публикация архивных материалов) // Декабрьские диалоги. – Вып. 18. – Омск, 2015. – С. 90–95.
 11. Левашева В. П. – Н. К. Ауэрбаху. Омск, 11 марта 1927 г. // Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Изучение памятников эпохи металла. – Новосибирск, 2007. – С. 253–256.
 12. Левашева В. П. – Н. К. Ауэрбаху. Омск, 21 марта 1927 г. // Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Изучение памятников эпохи металла. – Новосибирск, 2007. – С. 257–258.
 13. Лесков Н. С. Адописные иконы // Русский Мир. – 1873. – № 192. – С. 1–16.
 14. Материалы для оценки земель Владимирской губернии. – Т. X : Шуйский уезд. – Вып. 2 : Сведения о крестьянском хозяйстве. – Владимир на Клязьме, 1905. – 328 с.
 15. Мелехин Ф. В. 1923–1928 г. Пять лет работы музея. Краткий отчет // Известия Государственного Западно-Сибирского Музея. № 1. – Омск, 1928. – С. 121–150.
 16. Культурно-просветительный Отдел Осведомительного Управления Восточного Фронта. Инstrukция заведывающему культурно-просветительным отделением при штабе армии, округа, корпуса, дивизии, полка и т. д. – Омск, 1919. – 8 с.
 17. Правила издания исторических документов в СССР. – М., 1990. – 187 с.
 18. Протоколы I-й конференции военных и боевых организаций РСДРП. Ноябрь 1906 г. – М., 1932. – XLV + 368 с.
 19. Спирин Л. М. Разгром армии Колчака. – М., 1957. – 296 с.
 20. Спирина И. В. Фёдор Васильевич Мелёхин – основатель Художественного Отдела Западно-Сибирского Краевого Музея в Омске. – Омск, 2001. – 34 с.
 21. Спирина И. В. История создания музея изобразительных искусств в Омске (1870-е – 1930-е годы). – Омск, 2004. – 352 с.
 22. Список рабочих и служащих Государственного Западно-Сибирского Музея на 13 декабря 1927 года // Государственный архив Омской области. Ф. 1076. Оп. 2. Д. 13. Л. 216.
 23. Чиж И. М. Ради жизни на войне // Военно-Промышленный Курьер. – 2014. – № 42 (560). – 12 ноября.